

Железный пар

Автор:

[Павел Крусанов](#)

Железный пар

Павел Васильевич Крусанов

Проза нашего времени (АСТ)

Павел Крусанов – прозаик, коренной петербуржец, в юности играл рок-н-ролл, в зрелости стал одним из лидеров «петербургских фундаменталистов», автор книг «Укус ангела», «Американская дырка», «Бом-бом», «Мёртвый язык», «Царь головы». Финалист премии «Национальный бестселлер».

Герои нового романа «Железный пар» – братья-близнецы. Один – реставратор старинных книг, одержим идеей выведения новой, безгрешной, человеческой породы. Чтобы заинтересовать сильных мира сего своим проектом, ему необходимо переплести свой трактат, используя чудодейственный материал, естественные элементы которого можно добыть только в Таджикистане, в горящих копиях Ягнобской долины. Воплотить эти идеи в жизнь ему поможет брат: он собирает экспедицию и отправляется в путешествие, которое изменит их судьбы, а, может быть, и всего человечества...

Павел Крусанов

Железный пар

...«укрепить веру посредством знания» – это всё равно что познать гвоздь до такой степени, чтобы это познание можно было вбивать в стену вместо гвоздя. Подобно тому как вбивают гвоздь, а не знание о нём, так верят верой, а не знанием о ней, и любят любовью, а не психоаналитической эрудицией; так же,

впрочем, и жизнью живут.

А. Секацкий. Место невысказанного

Лев Николаевич прочёл Ваши стихи и нашёл их очень плохими.

Типовой ответ секретаря Л. Н. Толстого авторам поэтических рукописей
(предание)

* * *

- В последний раз, - виноватый голос матери. - В самый распоследний...

- Слышали, - это голос отца, приглушённый длиной коридора. - Знаем.

- Что ж, Витенька, знать-то? Что знать?

- «Витон» был? Зуделка на электрической тяге? Исцелилась?

- Способствовало. Ей-богу, способствовало.

- Почему бросила?

- Стадия уже такая, что «Витон» не берёт. Им при первой стадии хорошо...

- «Кандадзя» был? - наступал отец. - Изделие китайских хунвэйбинов? Тряслась на нём - стены ходуном ходили. Коллайдер, чистое дело. Помогло?

- Это другое совсем - массаж ступней. На них воздействуешь, и укрепляются отделы организма...

- Теперь на шкафу пылится?

- Так глазной запретил. Из-за глаукомы. Высокое в глазу давление. Никаких резких движений и встрясок, а то нерв умрёт.

– Бальзам лошадиный втирала? – Сарказм отца убийственен – ему восемьдесят два, но у него хорошая память. – Кислоту в коленки колола? Прищепки цепляла на уши? Биокорректор свой? Пищал, как мышь. Голова, небось, киселём полна – столько электричества сквозь мысли пропустила...

– Что ты говоришь такое, Витенька? – В голосе матери удивление, трогательное и беззащитное. – Это для контроля. Следить за состоянием баланса энергий и природных сил.

– А что тебе теперь на уши повесили? Сколько тыщ на ветер выбросить готова?

– Почему же на ветер, Витенька? Почему на ветер? По радио передача была: новый прибор, научная разработка...

Я знал – отец проиграет эту битву. Верх одержит мягкая сила.

У матери болели колени – артроз, перерождение хрящевой ткани. Вылечить нельзя. Можно лишь снять воспаление и приглушить болевые симптомы.

Или – операция по замене сустава.

Мать не хотела операцию – шарлатаны в эфире то и дело обещали чудесную помощь: хрящ восстановит эластичность, суставам вернётся молодость – хоть по лестнице скачи через ступеньку. Мать принимала этот вздор за чистую монету.

А ведь увериться в тщете целителей и их услуг – и патентованных, и мнимых – имела случай на примере сына. Брата моего, Руслана. Мы с ним – близнецы. С Русланом чуда не случилось, как ни пытались врачевать его расколотую голову. Профессора смотрели, потомственная колдунья Марфа выделявала пучком петрушки пассы – всё впустую.

Но про себя мать знала точно – чуду быть.

Сквозь жизнь она, не расплескав, пронесла неистребимое доверие к людям – была готова поверить на слово первому встречному проходимцу. Пользуясь мать Интернетом и умея читать sms, дом был бы доверху завален чудодейственным хламом. А так – ещё ничего, есть куда ступить.

Отец не доверял никому. В первую очередь – оппозиционным политикам и рекламе.

В каждом явлении жизни отец видел сначала скверную сторону, после чего уже не пытался искать хорошую. Всё мало-мальски путное осталось для него в прошлом. Он жил в мире одноликих вещей, и физиономия их была ему неприятна.

За одним исключением – из былого времени в нём крепко, как свая, сидела вера в праведность верховной власти.

Конструктор старой школы, он неплохо зарабатывал. Молодые управленцы не отпускали его из конструкторского отдела даже сейчас, хотя он уже двадцать два года как законно вышел на пенсию.

Испытывая недоверие к новинкам, компьютером пренебрегал, так и стоял за кульманом. Потом пустоголовая юность оцифровывала его ватманы.

Отец работал всю жизнь. В эвакуации мальчишкой пас свиней. Потом завод, рабфак, вечерний институт без отрыва от станка. Потом – КБ. Ведущий конструктор.

Трижды его сбережения оборачивались прахом, и всякий раз он восстанавливал потери, не теряя веру в обманувшую его власть. Каждый удар он принимал как кару богов – жестокою, но справедливую.

Другое дело – рекламные прохвосты. Отец был уверен: мать одурачат, она опять ждёт чуда от бесполезной горсти мусора на батарее, деньги улетят в трубу.

Но он прожил с матерью пятьдесят лет. Он любил её.

Старики – особенно старики – умеют любить не тело, но то, что в нас не поддаётся изменению. Тело – только сосуд, в который мы способны или не способны влить по горлышко свою любовь.

Мой отец любил мою мать – терпкой любовью пятидесятилетней выдержки.

Поэтому он проиграет эту битву. Если, конечно, в этом обстоятельстве можно заподозрить статус события.

– Ну самый распоследний... – слышалось из кухни.

– «Алмаг» был? – упорствовал отец. – Так намагнитилась, что поварёшки прилипали.

Вчера, первого мая, я отвёз жену и сына в деревню.

Родители приедут туда сами, восьмого, – пятого и седьмого мать была записана на приём к главному и суставному магам.

Пока сын, не отрываясь от айфона, куролесил в соцсети, я бросил насос в колодец, протянул шланг, накачал воды, подключил газовый баллон к плите, отомкнул сарай, принёс к печи дров, затопил.

Потом сел в машину – пора было возвращаться в СПб. Пути – пять часов, доберусь уже ночью.

Аня и сын остались. Надо прибрать одичавший за зиму дом, перемыть полы, смести паутину, проветрить матрасы, одеяла, подушки.

Простились у забора.

Теперь второе мая, вечер.

Пенка. Спальник. Бельё. Надувная подушка. Нож. Берцы. Зарядка телефона...
Где зарядка?

Я собирал в комнате рюкзак.

То есть разобрал. Чтобы затем сложить манатки заново, сверяя наличие вещей со списком. Через три часа мой самолёт. Через час подадут такси. Самое время убедиться в том, что что-то всё-таки забыл.

Трекинговые палки. Кружка. Миска. Штаны. Ветровка. Ещё штаны. Батарейки. Фонарь... Чёрт возьми! Куда подевался фонарь?

Самолёт прибывал в Душанбе в три часа ночи.

В салоне, кроме меня, только четверо русских.

Всем русским на регистрации дали места у аварийных выходов. Здесь расстояние между рядами кресел шире, и можно вытянуть ноги.

Спросил стюардессу: попечение о соотечественниках? «Эти даже инструкцию прочесть не могут, как с аварийным люком обращаться, – сказала небесная дева. – И баулы в проходах громоздят».

Техника безопасности, и только.

Так и сидел все четыре с половиной часа – до дачи еду дольше – один в трёх креслах. Мог бы улечься и вздремнуть, но сон не шёл – читал Джареда Даймонда, естествоиспытателя широкого профиля с цирковой фамилией.

Автор, упиваясь собственной дерзостью, оспаривал превосходство европейцев перед дикарями, а у самого амбиции раздуты, как печень у пьяницы:

«Любому человеку, будь он самый закоренелый расист или антирасист, совершенно очевидно, что историческое развитие привело разные народы к разным результатам. Современные Соединённые Штаты – общество, сформированное европейцами, населяющее земли, отвоёванные у коренных американцев, и включающее в себя потомков миллионов чёрных уроженцев субсахарской Африки, привезённых в Америку в качестве рабов. Между тем современная Европа не является обществом, сформированным чёрными уроженцами субсахарской Африки, которые когда-то завезли в неё миллионы рабов-индейцев».

Это промежуточный итог, Европа, у тебя ещё всё впереди.

Пока самолёт вырубивал с посадочной полосы к терминалу, включил телефон и позвонил Фёдору. Он с тремя товарищами прилетел из Новосибирска накануне и обещал встретить меня в аэропорту.

Фёдор ответил сонным голосом. Похоже, мой звонок разбудил его. Ну вот, подумал, теперь придётся торчать здесь, пока он не раскачается.

У трапа погрузились в автобус, и тот мягко, по-кошачьи покотился сквозь жгучую таджикскую ночь к огням аэропорта.

Получив багаж и выбравшись из дверей закрытой зоны, тут же угодили в объятия Фёдора. Вот те на... Разыграл?

Рядом с Фёдором стоял коренастый таджик – круглое приветливое лицо, большая залысина и густые, без ухищрений усы.

Фёдор представил: Азим.

Как позже выяснилось, мать Азима была русской, а сам он защищал докторскую по орнитологии в Новосибирске, в академическом институте, где Фёдор в то время заведовал лабораторией. С тех пор они дружат и при случае помогают друг другу по учёной части. Да и просто по жизни.

Азим дал Фёдору ключи от квартиры сестры, уехавшей на месяц с мужем и дочкой к свёкру в Курган-Тюбе, так что проблема базового лагеря решилась наилучшим образом.

На стоянке аэропорта Азим открыл багажник «опеля», я забросил рюкзак, и мы понеслись сквозь азиатскую тьму, разрезая её фарами, как чёрное масло.

В квартиру Азим подниматься не стал, простились во дворе возле огромного дерева с лапчатыми листьями.

Товарищи Фёдора спали. Мы же, прежде чем рухнуть на пол, застеленный пёстрыми и узкими матрасами-курпачи, выпили чайник чая и полбутылки привезённой мной «Столичной». Не ради веселья, а, как в ночном поезде, парно стучащем колёсами на стыках рельсов, – ради скорого бестревожного сна.

Ночь за окном была густа. Разговор – приветлив и спокоен. Придушенный тьмой город тут и там озаряли многоцветные огни, на которых было не страшно обжечься.

Из тетради Грошева

...такая красивая. Нет – прекрасная! Просто прекрасная! Я опасаюсь ходить под её окном, когда оно открыто (оно открыто с мая по октябрь (год наблюдаю), с учётом, разумеется, погоды – в ненастье заперто, само собой), а ведь привык: с Марата – через Поварской – на Невский. А там – Литейный и подвал Бодули. Он, Бодуля, говорит, что я правдоискатель, превзошедший меру, поэтому во мне нет места для любви, а – только для немилосердной требовательности. Оттого я мизантроп и не ценю прекрасное. Но это же не так, совсем не так! Просто я ставлю во главу краеугольным камнем честность самоотчёта (отсюда и тетрадь (четвёртая уже), куда заносу мысли в порядке производства в гончарне разума и чувств). Просто справедливость жжёт мне сердце и не даёт молчать. И мимо проходить. Когда я вижу лужу там, где быть ей не положено, где следует ступать ногами гражданам, не замочив и не запачкав обувь, я говорю: здравствуй, большая лужа! – и объясняю ей её неправоту. В чём же немилосердие? Где мизантроп?

О чём я? Да, опасаюсь ходить под окном. А оно ровно там – в Поварском: старый дом с фонарями (иначе – эркерами, это у строителей архитектуры одно и то же) через два этажа – со второго на третий. Венчает фонарь балкончик с железной оградой. Ещё там лепнина – что-то вроде бутонов папируса, какие изображали египтяне на фресках своего искусства. Она – у окна, в фонаре. Читает. На подоконнике – зелёное насаждение в горшке. Тюлевые занавески раздёрнуты – солнце, когда оно является на небе, светит сюда недолго. Иногда на подоконник усаживается кошка полосатой масти (или кот). Она читает (не кошка) и, вероятно, иной раз забывается над книгой. А что, если с открытой страницы вниз упадёт копьё, выбитое Айвенго на турнире у храмовника – как бишь его – Бриана де Буагильбера? Или студент Раскольников уронит на мою голову топор? Однажды мне под ноги уже упал шнурок для самоудушения – султанское послание, отправленное опальному паше, – понятно, что мои тревоги не беспочвенны.

Когда случилось это (упал шнурок), решил ходить на будущее по Дмитровскому, но вслед подумал: малодушно. Хожу по-прежнему, но – по противной стороне.

Так безопаснее, во-первых. И потом, с той стороны могу её увидеть – это во-вторых. Да, в фонаре её видать и в боковом окне, но с противоположной стороны нагляднее: точно картина в раме. У неё льняные волосы – мягкие и воздушные, высокий лоб и такие складные черты, что схватываешь сразу, целиком, как необычайное единство, которое нельзя разделять на части. Бывает, она заводит сбившуюся прядь за ухо и задерживает пальцы на щеке... Она прекрасна! Да, прекрасна!

Порой мне кажется, что в голове моей есть кто-то пятый. Это когда я думаю о ней и слышу чувства. Что за незваный гость? – ума не приложу. Другие все давно известны. Первый, само собой, я сам, творец спасительного замысла о перековке общежития планеты. Второй – трудяга, мастер переплёта, познавший с горем пополам секреты ремесла. Ещё про двух не буду – стыдно. Так стыдно, что несёт, как будто диарея в глотке, и невзначай бормочешь чепуху, лишь бы отбиться от картин и мыслей, которые они, бесстыдники и изверги, с собой несут. И вот теперь явился новый – здрастье...

Откуда? Я ведь уже обжёгся так, что выгорел внутри до головешки (брат выкрал у меня мои мечты (писал об этом: первая тетрадь, страницы 3–12)), и знаю, как скроен мир этих отъявленных притворщиц: из фальши, видимости, зова неусмирённых тел, стремления блеснуть и получить порцию липких (клейких) слов в награду. И населяют этот мир существа знакомые – цыпы на каблуках и, выражаясь мягко, эти... в ботах. Все прочие – погрешность.

Между тем дельность кого бы то ни было, особенно мужчины, зависит от того занятия, плоды которого остаться могут обществу, отечеству, планете. Так результат моих раздумий говорит. Но эти (отъявленные) считают, что именно они должны быть главным попечением мужчины, а не дело, которому он верно служит. Они (отъявленные) ставят сети, ловя достойного, способного и всеми уважаемого спутника, а как попался, сразу начинают из него лепить того, кто им необходим на деле, – источник незаслуженного благоденствия. Тот понимает, что попал в силки, но возражать нет сил – он всё до капли отдал этой паучихе. И вскоре бедолага – тряпка. Он потерял уверенность в себе, он – ветошка, протирка туфелек и бот, чтобы сияли! Он обнулён до донышка! В итоге к нему теряет интерес и паучиха. Добро, если не выставит за дверь. А то ведь может, очень даже может! Последствия таких аллюров злы: крошатся судьбы не только одиноких личностей, но судьбы целых поколений, народов, славных государств! Недаром у Екклесиаста сказано: «И нашёл я, что горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце её – силки, руки её – оковы». И Коран (трижды

переплетал) недаром запрещает правоверным творить молитву, раз перед тем они касались женщины, ибо дотронься только – осквернишься, и надо, стало быть, отмыть нечистоту.

Отъявленные эти, как известно, что б ни случилось, не бывают виноваты. Не виноваты, разумеется, они и в том, что именно такими их соорудила, на беду, природа. При этом доводы их обороны таковы: хоть иногда должна же я побыть немного стервой. Или: а почему бы не пожить и для себя. Вот оправдание их вредного, пустого прозябания! Они ничуть не сознают – испробовав однажды эти лакомые блюда, другого есть уже не захотят! Какой тут долг, какая честь! Эти главнейшие понятия в судьбе и жизни человека – чёрствый сухарь для дамочек, а не конфетка, о них легко и зуб сломать.

Что делать? Надо с детских лет (а то и раньше) учить их, дамочек, почтительно склоняться перед всем мужским. Но как? Ведь рычаги – у них:

бабушка – женщина,

мать – женщина (как независимость обрёл – сбежал; спасибо дяде – оставил на Марата мне жилую площадь),

няня – женщина,

сестра – женщина (у меня, на счастье, – брат (хотя тут с оговоркой счастье)),

учительница – женщина,

жена...

Об этом уже было, впрочем. От них, выходит, зависит формирование неокрепшей юности. А результат? Такой пример: не далее как вчера смотрел программу... я записал, где ж это... вот: в 19.15 по московскому времени. Ведущая программы – то ли родственница владельцев канала, то ли его соучредитель, но видно, что человек в профессии случайный, – трещала без умолку, не давая гостю высказать мнение по интересному вопросу. Потом, недовольная его позицией, долго читала строки из газеты, намеренно расходуя впустую время эфира. А между тем, каждое слово уважаемого гостя ценится

телезрителями больше, чем все её суждения базарного характера.

И дальше:

врач – женщина,

юрист – женщина,

судья – женщина...

Не потому ли общество страны сплошь состоит из нарколыг, бандитов и воров? Не потому ли нет теперь иного выхода, как только поменять всё человечество Земли? И срочно поменять – на исправление нет времени! Всё это в книге у меня с документальной точностью разобрано по пунктам.

Непостижимая загадка женщины, воспетая поэтами и зодчими, на деле сводится к ошеломительному – не сказать обидно – принципу: не проведёшь – не проживёшь. На этом скособоченном фундаменте, на этом древнем и шершавом основании возводит женщина надстройку взаимоотношений с миром и противоположным полом. Преодолеть печать порока она не в силах – природа генов требует разрушить то, что создаётся в мире верностью и мужеством мужчин. Она влечёт в силки и усмехается улыбкой Моны Лизы в лицо безвинной жертве. А заодно и всем, кто в восхищении взирает на портрет творения великого да Винчи, чей гений разгадал и в назидание запечатлел в этой улыбке всю суть коварства их отъявленной природы! Остаётся дивиться всемогуществу природы, создавшей для воспроизводства вида надёжно действующий инстинкт, туманящий глаза и разум. А приходишь в норму – поздно...

Про гены – это не фантазии, не просто так. Есть подтверждение: однажды в передаче о секретных фактах науки (у меня записано число, канал и время размещения в эфире) признали, что учёные открыли в женском теле код генетической агрессии. Такого нет в мужском. На очереди ген продажности и лжи, который, несомненно, тоже в них сидит и ждёт своего пытливого Колумба. Ах, если б знать мне это раньше! Я брата бы не проклинал – я бы скорбел... Что говорить: у незнакомых с одеждой и чудом сохранившихся до наших дней диких племён первобытных папуасов вход женщинам в жильё мужское запрещён категорически! Откуда только им известно о тех трагических последствиях свободных нравов (в лице женщин), которые настигли нашу цивилизацию,

ушедшую от них на тридцать тысяч лет вперёд? Им незнакома письменность – им не узнать о наставлениях из Библии или Корана...

Но разум ясен, и глаза открыты. И всё понятно с загадкой и неотразимостью их чар. И сами чары эти... Куда, скажите, подевались умницы и скромные красавицы, которыми цвели проспекты городов и сельских поселений ещё каких-то двадцать лет назад? Взгляд радовался и бежал за ними следом. Что же теперь? Тьфу-тьфу на то, что выискалось им на смену! На идеал, который усмехается с экрана, – чума чумою, хуже смерти: наколотые губы так раздуты, что на лицо красавицы впору надеть трусы!

Ну вот – открылся зев порока! Тут и подсовывает непристойные картины третий... Изыди! Ехал Грека через реку, гоп-ца-ца... Ехал Грека через реку... Сгинь, похабник!

А там, в окошке фонаря, извольте, – ангел. Чистый ангел. И так невыносимо подмывает (великая охота и великий страх) коснуться хотя бы кончика его крыла... Вот этот, кому хочется, – он. По счёту пятый.

* * *

– Вася.

– Глеб.

– Сергей.

Без церемоний представилась утром братия Фёдора, и все сразу перешли на «ты».

Вася – весельчак и балагур, когда-то они с Фёдором учились в Томском университете. Глеб – деловит, уверен, явно с задатками лидера – иммунолог, сейчас в Новосибирске заведует лабораторией. Сергей – спокойный, сдержанный, с отстранённой улыбкой – тоже из Новосибирска; по рекомендации Фёдора – лучший в стране специалист по гепатиту.

Все уже пахли зубной пастой и мылом.

Я поспешил в ванную – Азим предупредил: воду здесь дают по графику, как правило – утром и вечером.

Во время завтрака – чай, лепёшка, вяленое мясо, сыр, миндаль – явился присланный Азимом аспирант Назархудо – смуглый худощавый парень с резкими иранскими чертами, как я их понимал, в чёрном костюме, галстуке и остроносых лаковых туфлях.

Он должен был оформить нашу регистрацию в полиции и показать город, если нам, конечно, заблагорассудится.

Собрали паспорта, вручили их Назархудо.

Фёдор уже несколько лет руководил академическим институтом. По учёным меркам – молодой, почти птенец. Но видно, что на своём месте – упрямый, самостоятельный, хозяйство в образцовом порядке.

Для Азима Фёдор – драгоценный гость. Неудивительно, что аспирант Азима и вовсе точно раб лампы.

После чая я внёс свою долю в общий котёл: в Новосибирске были закуплены продукты – консервы, крупы, специи, растительное масло, – да и здесь надо нанимать машину, оплачивать бензин, пополнять запас. Глеб управлял складчиной, но Фёдор настоял: нужно разложить яйца в две корзины, – и часть денег забрал.

Я прикинул и обрадовался, что верно рассчитал, сколько взять – ещё и бедный Руслан настойчиво всучил в дорогу, – осталось на личные расходы. Надо только поменять рубли на сомони.

Позвонил Ане: всё в порядке, прилетел, вкушаю рахат-лукум с люля-кебабом. У них тоже порядок – хоронят в грядку семена редиски.

Не дожидаясь возвращения Назархудо, Глеб потащил Васю и Сергея на базар – взять что-нибудь к обеду. Все они в Душанбе не первый раз – экскурсия по городу их не прельщала.

Глеб с Васей закинули за спину рюкзачки с камерами и сменной оптикой. Сергей надел на темя шапку-трансформер: хочешь, можно развернуть в панаму, хочешь – сложить на манер киргизского колпака или турецкой фески.

Мы с Фёдором остались дожидаться паспортов.

– Парни хорошие, – сказал Фёдор. – Глеб с Васькой в молодости по скалам лазали. А Сергей и вовсе чисто Конюхов – один и в пустыню, и в горы ходил. Не смотри, что он тихий. Однажды в Казахстане заблудился, лагерь потерял. А дело в Каракумах было. Там днём жарит так, что мигом от обезвоживания ласты склеишь. Губы трескаются, кровоточат, и на коже белая корка – выпаренная соль от пота. Укрыться негде, как в тандыре. А тут и вода кончилась. Так он на день в песок себя закопал – там, под песком-то, легче. Панамой голову накрыл и в рот стебель ревеня сунул. Весь день его, пока солнце жгло, и сосал, как медведь лапу. А к вечеру вылез, поплутал и утром вышел к лагерю.

Вернулся Назархудо: чёрный – шевелюра, брови, костюм, туфли, – подвижный, как грач. Принёс паспорта с регистрацией.

Пригласили на чай к столу.

Назархудо рассказал про недавно возведённое здание Национального музея – как водится, с использованием новейших технологий и современных материалов.

Бедные, замордованные старые технологии и материалы – вам уготовано сгореть от стыда за своё первородство, уйти, отряхивая с подошв вечность, в небытие. А между тем предложи на выбор – всяк предпочёл бы камень и дубовую панель шлакобетону с пенопленом.

Решили посмотреть.

На улицах пестро, но местного колорита мало. Китайскому ширпотребу удалось то, что не удалось американскому общепиту, – овеществить глобализацию.

Впрочем, то здесь, то там мелькали халаты-чапаны, пятнистые леопардовые платки и высокие чёрные тубетейки.

Русских не видно.

Во времена Союза их тут было много, как в Алма-Ате или Риге. В начале девяностых началась гражданская война, исламисты стали теснить неверных, потекла кровь, и почти все русские уехали. Остались те, кто взял оружие или положился на покров семьи, как Ира, жена Азима, – так Фёдор говорил.

Там, где многоэтажные дома не закрывали вид, на горизонте громоздились горы: на севере – Гиссарский хребет с сияющим снежным гребнем, на востоке и юге – Каратегин и, кажется, Бабатаг. Только на западе горизонт был открыт во весь разбег пространства.

По газонам, вереща, скакали желтоклювые индийские скворцы-майна, задиристые, точно воробьи.

На фонарных столбах и стенах домов были расклеены объявления: разыскиваются пропавшие девочки. На фотографиях – школьницы. Нарядные кофточки, чёрные косички. Текст кириллицей на таджикском – Назархудо перевёл.

Объявлений много. Фотографии – разные.

Вскоре вышли к ограде, за которой улетал в синеву неба флагшток размером с телебашню. В вышине вяло колыхалось от вздохов ангелов гигантское полотнище таджикского флага.

Назархудо, задрав грачиный нос, пояснил: самый большой флаг в мире – тридцать на шестьдесят метров. Определённо он находил в этом повод для маленькой спеси.

На ограде – снова объявления. Теперь разыскивали мальчиков.

Назархудо указал на длинное здание с трёхарочным портиком – Национальный музей.

Зашли, словно в грот, – кругом прохлада и камень.

Фёдор отправил в окошко кассы несколько местных купюр – за себя, за меня, за Назархудо. Я всё ещё не поменял рубли и захребетничал.

Людей немного, пространства навалом – экспонатов явно не хватает, чтобы занять его целиком. Часть залов закрыты, видимо пустуют.

Хороши представители фауны: мех, где надо, распушён, где надо – лоснится, перья топорщатся и сияют – чучельники поработали на славу.

Есть древние камни, керамика, бронза. Поковки железного века.

Огромный Будда прилёг в покое на очередную тысячу лет.

Назархудо настойчиво приглашал наверх – осмотреть экспозицию по новейшей истории. «Пластмассовый век», – неловко пошутил я. Но Фёдор упёрся – назойливый патриотизм Назархудо, кажется, его допёк.

И это понятно: борьба за культуру губит культуру, борьба за любовь убивает любовь. Мой бедный брат испил из чаши и возненавидел женский род. А за одно – меня. За то, что предпочли ему.

Поблагодарили за экскурсию и развернулись к выходу.

На улице коротко простились.

Назархудо, похоже, был раздосадован: невероятная бестактность – гости отказались засвидетельствовать выдающиеся заслуги Эмомали Рахмона. Но мы их и не оспаривали, Боже упаси.

До дома добрались без приключений. На вопросы нам отвечали по-русски. Девушки и женщины не прятали лиц.

Глеб, Вася и Сергей уже сидели за столом. Допивали чай с душистым таджикским лимоном – жёлто-оранжевым, тонкошкурым, сочным – и обсуждали маршрут. Это меня сюда занесло по случаю – спасибо Фёдору и Руслану: один позвал, другой не оставил выбора и ссудил деньгами, – а этим, как и Фёдору, Средняя Азия не в диковинку.

У стены на полу стояла пустая бутылка «Столичной», которую мы с Фёдором не осилили ночью.

На диване лежала развёрнутая карта Кухистана.

Фёдор, а следом и я набросились на самсу, называемую здесь самбуса, и мясистые розовые помидоры.

– Машиной до кишлака Хакими, – вёл пальцем по карте Глеб, – там нанимаем ишаков, грузим рюкзаки и идём вдоль Сарбина под перевал. Выходим через Сатун-Камар по Харкушу к Ширкенту. Отсюда – до Пашмикухны и, собственно, к барьеру. Это в целом километров тринадцать – пятнадцать. Можно было бы и без ишаков, но у меня спина что-то того – потянул, наверно.

– Есть что снимать? – Вася крутил в пальцах зубочистку.

– А то! – Глеб вскинул бровь. – Я был там в восемьдесят девятом. Барьер – отвесная стена. При хорошем свете – сказка. И радиальные выходы на три стороны – гуляй, смотри. Дня три нам хватит. Главное, чтобы свет был. Седьмого утром идём обратно к Хакими. Договоримся с машиной – пусть в кишлаке встречает. Вернёмся в Душанбе и рванём на юг. Или в Фанские горы.

Я насторожился – Фанские горы в маршруте, который изложил мне в переписке Фёдор, присутствовали определённо, а не в форме вариации.

– А перевал открыт? – Сергей почесал русую бородку – глаза у него были ясные, лучистые, неморгливые. – В горах снег ещё. Если на Сатун-Камаре снег не сошёл, что будем делать? Местные ни ишаков, ни проводника не дадут.

– Да нет, – махнул рукой Глеб, – сошёл уже. Весна здесь, гляди, какая дружная. И перевал невысокий. Или вот ещё вариант... – Он снова нацелил палец в

карту. – На юг по Ширкенту – и через перевал... Там такое место – Кадычи. Говорят, есть на что посмотреть. Но это километров двадцать пять. Набор высоты примерно тысяча метров и, что хуже, сброс тысячи полторы.

– Ты же спину потянул, – напомнил Вася.

– Да, – согласился Глеб, – тогда отпадает.

– Ишаков не дадут – Ваську навьючим, – сказал Фёдор сквозь непрожёванную самбусу.

По обоюдному согласию Вася играл в дуэте с Фёдором роль объекта дружеской насмешки. Впрочем, отнюдь не безобидного.

– Я на вид хрупкий, но жилистый, – согласился Вася. – Если б ты на прошлой самбусе остановился, я бы и тебя дотащил.

– Нет, – Фёдор вальяжно откинулся на спинку стула, – не дотащил бы. В коленках слаб.

Действительно, Фёдор был раза в полтора крупнее Васи.

– Теперь конечно: кишку набил – тяжёлый стал. Одной каловой массы... – Вася закатил глаза в трудоёмком подсчёте. – И зачем тебе столько?

У Фёдора заиграл телефон – Азим.

– Заходи, – сыто разрешил Фёдор.

Азим, вероятно, был на подъезде, потому что уже через пару минут позвонил в дверь.

Он договорился с водителем, цена умеренная, зовут Мурод. У Мурода корейский микроавтобус «старекс» – войдут и люди, и поклажа.

– Азим, – сказал Сергей, распахнув ясный взгляд, – мы на Ширкент хотим пройти, до Пашмикухны. Как бы узнать: Сатун-Камар открыт?

Азим достал чёрную плитку айфона, потрогал пальцами экран и приложил к уху.

Недолго поговорив по-таджикски, помотал круглой головой:

– Закрыт. Под лавину можно угодить. В кишлаках проводниками обычно детей посылают – сейчас никто не рискнёт.

– Тогда меняем маршрут. – Глеб, не вставая с дивана, круговым движением торса, будто раскручивал хула-хуп, размял спину.

– А вы в Чиль-Духтароне были? – спросил Азим.

– Это где? – Глеб замер.

– За Кулябом. – Азим махнул рукой, куда – я не понял: по сторонам света в квартире я не ориентировался. – Хребет Хозратишох. Живописное место. Там в одном кряже пласт известняков на ребро встал. Со временем повыветрился, образовались столбы. На женские фигуры похожи. Так и называются: Чиль-Духтарон – Сорок Невест.

– Знаю, – сказал Фёдор. – Туда мои гельминтологи ездили. Какое-то предание рассказывали. Военно-патриотическое.

– Да, – кивнул Азим. – Пришли враги и убили в долине всех мужчин. Тогда на защиту земли встали женщины.

Бедный Руслан извёлся бы – не поверил. История не для его скорбной головы.

– Ну что? – Глеб окинул взглядом присутствующих. – Чиль-Духтарон?

Фёдор и Глеб записали в своих трубках телефон водителя.

Азим набрал Мурода, поговорил и протянул плитку Фёдору, но в пути её ревниво перехватил Глеб. Описал водителю завтрашний маршрут, подтвердил цену. Договорились, что утром в девять машина будет ждать во дворе.

На правах хозяина Азим пригласил нас вечером на шашлык и отправился по делам.

Вася с Глебом принялись предвкушать – вспоминали, какой шашлык, какого необычайного вкуса и в каком году довелось им отведать в Душанбе. Обзор вышел сочный, скворчащий, с жарким запахом углей.

Поскольку через несколько дней мы должны были в эту же квартиру вернуться, я решил перетрясти вещи и выложить лишнее.

Достал одну смену белья, запасную пару штанов, четыре из восьми контейнеров под сборы природной химии для брата и недочитанный том Джареда Даймонда.

На их место предстояло загрузить свою долю консервов и крупы – груз провизии распределили поровну на каждого.

Из тетради Грошева

У-ы-у-ы-обы-юбы-ура-сы...

Надо чаще разминать ротовые мышцы, тогда речь твоя будет ясной и чёткой даже при отсутствии мыслей. А при присутствии... при-при-при... при присутствии питай надежду быть услышанным и оказаться понятым. Да и не стоит без приложения ума пытаться на словах играть, как на – трень-брень – гуслях.

Зачем я написал свой труд, где разложил по полочкам, что в наше время думать надо уже не о том, как примирить людей с природой и друг с другом (эта задача сделалась невыполнимой), а о том, как на планете их сменить? Не проще ли привлечь сторонников по делу смены человечества (сторсменчелов) яркой и хваткой ораторской речью? Проще, разумеется, но. Во-первых, нет трибуны и нет кафедры. А во-вторых... Вот что сказал в зачине своего труда один из тех, кто царств земных судьбу держал в безжалостной руке и о замене человеческой

породы думал тоже (передача о секретных фактах истории – дата, канал и время размещения в эфире записаны): «Я знаю, что симпатии людей легче завоевать устным, чем печатным словом. Всякое решительное движение в истории обязано своим размахом великим ораторам, а не великим писателям. Тем не менее, для того чтобы наше учение обрело законченную форму, лежащие в его основе принципы должны быть запечатлены письменно». Вот именно – запечатлены. Пусть и моя книга ляжет крепким камнем в основе будущего солнечного града! Два тиража (сто экземпляров каждый) практически уже раздал и разослал в библиотеки и учреждения науки. А также отправил уважаемым и дельным людям, чей адрес отыскал. Ещё – в издательства. Надо наладить массовый тираж, чтобы весть правды долетела до самых дальних уголков. И хорошо бы, чтоб издатель поспособствовал на деле, а то за собственные деньги – не расчёт...

Дальше.

Попил у Бодули чаю и забрал работу – через него, бывает, мне подбрасывают кое-что в починку. Иной раз попадаются редчайшие вещицы (однажды подержал в руках альдину: начало XVI века, кожа, тиснение блинтом и золотом; на верхней крышке – крылатый венецианский лев, на нижней – герб рода Джустиниани), но бывает – и откажу. Случается на свете чепуха, с которой проку нет возиться, вроде того, чтоб сшить (на прокол) нарезки из журналов – подборка руководств по вышивке или гастрономические рецепты блюд. Есть и нормальная пока ещё работа (хотя определённо меньше стало), так что иной раз можно носом покрутить. Было и дело у Бодули: завтра надо посмотреть библиотеку. История известная: кто-то из вымирающих животных, знавших цену книге, почил, а наследников пыльное собрание ввергает в чих, вот и хотят продать весь склад бумаги целиком за раз. Бодуля, стало быть, решает – брать, не брать? Моя задача консультировать на случай: если издание (ценное) дошло до безобразия, возможно ли отреставрировать – вдруг покупатель (настоящий покупатель, которого уже найдёт Бодуля) пожелает фасад и внутренности книги сдать в ремонт. Словом, будем завтра осматривать очередные закрома культуры.

Ещё что? Славно потрудились утром, так что работать вечером не стал. Лишь поточил на мокром камне нож (шерфовочный), закруглил сшитый накануне блок атласа «Die exotischen K?fer in Wort und Bild» (Лейпциг, 1908), кашировал ему киянкой корешок, сплёл шёлковый каптал и заклеил корешок переплётной марлей; потом из пресса вынул просохшие листы (труд стародавнего профессора) и нарезал для составного форзаца из коленкора ленты. Ещё

осталось сделать три тетради (проклеить надо крайние листы (по сгибу) прозрачной тутовой бумагой), и можно будет блок сшивать – «Лекции по Русской Истории профессора С. ?. Платонова». Издание 8-е, исправленное и дополненное. С.-Петербург, 1913. Казалось бы, безделица, вещь заурядная, ан нет – есть у книги любители и верные Личарды...

Перед тем как лечь, пошёл на кухню выпить чаю, да заболтался: строго поговорил с кастрюлькой супа (бывает, пригорает), потом с банкой томатной пасты, потом подробно побеседовал со шкуркой от бекона. И не без пользы! Не без пользы!

.....

Вот вехи (этапы) большого пути.

1) С помощью веских аргументов убедить высокие международные инстанции в необходимости заняться проектом смены человечества (ПСЧ) в самой практической и неотложной плоскости. После чего принять международную конвенцию на этот счёт, сообразованную и увязанную со всеми крупными державами и главными соборами Церквей.

2) Создать международный центр, аккумулирующий, подобно двум горбам верблюда, умственные и материальные ресурсы, назначенные для практического (и скорейшего) осуществления на деле ПСЧ.

3) Определить и утвердить чёткие представления о том, каким должно быть ожидаемое общество, которое придёт на смену нашему, осуществлённому и недостойному.

4) Легализировать (постановлением специального закона) способ искусственного создания новых людей (новолюдов) и план замены ими нынешней цивилизации, бессовестно глумящейся над именем своих строителей – человек разумный.

5) Возвысить ПСЧ в разряд главнейшего национального проекта в каждой отдельно названной стране, после чего развить его во всеобщий планетарный (галактический) проект.

О первых двух этапах уже писал подробно (третья тетрадь, страницы 39–46), теперь – об остальных. То, с позволения сказать, наследие, какое обрела Земля на протяжении своей истории, – всего лишь слой кишачих паразитов, полчище пиявок и клещей, насмерть всосавшихся в планету. Вот образ нынешнего человечества в его правдиво обнажённом виде. Род человеческий, угнетённый корневым недугом, спасти нельзя. Единственный рецепт – сменить. И сделать это надо быстро. Прежде того, как человечество само сметёт себя, жизнь сделав невозможной, а планету превратив в шарообразную пустыню, летящую сквозь мрак пространства.

Часто в качестве довода при обсуждении вопросов выживания можно услышать аргумент: мол, если не одумаемся, не осознаем, не примем к сведению – не выживем. Ха-ха, какая жалость! Сторонникам смены человечества (сторсменчелам) ясно, что в этом не выживем нет никакой беды. Более того, чем менее людей, обременённых роковым наследием, останется, тем лучше – они (на самом деле – мы) всё равно не годны на толковые дела и только тормозят (тормозим) спасительные перемены. Воистину, есть тяжкие глубины, откуда, опустившись в них, уже не выйти на поверхность! И что ни думай, что ни говори, что тут ни делай – мы более не в состоянии дать благо окружающему миру, ведь родовые хромосомы в наших клетках не выпустят нас за пределы естества. Их зов звенит в ушах: бери, бери, бери – наживу умножай на алчность! Словом, не беда, что мы не выживем, – беда, что вместе с нами на планете закончится и жизнь. (На свете двух вещей боюсь – вот этого конца времён и имени Григорий. Так звали нехорошего врача, терзавшего меня в больнице в детстве, – его (с железным молотком в кармане белого халата) не могу забыть.)

Бесспорно – новый мир обязан стать другим. Но чтобы этого достичь, законодательство страны, включая конституцию, необходимо срочно переделать, дополнив положением об утверждении проекта смены человечества в России. Ложь, лицемерие, продажность должны быть уподоблены злодейским преступлениям и караться тем же тяжким наказанием, каким караются деяния насильников, маньяков и серийных душегубов. Ведь если шевельнуть извилинами и смекнуть, то станет ясно, что урон от этого наследия (ложь, лицемерие, продажность) наносится сообществу людей ничуть не меньший, чем от его (сообщества) прямого истребления. Эта ступень движения человеческого рода в новый мир определённно будет самой трудной и болезненной из всех. Особенно придётся туго слабой половине (человечества) как наиболее подверженной наследству лжи. Однако и выносливости женщин не зря мы отдаём заслуженную дань!

Каким же станет новый мир? Кто они – новые люди, которых через двести – триста лет мы, произведя на свет в достаточном количестве, приобретём себе на смену? Всю полноту объёма перемен представить невозможно. Но кое-что воображению доступно.

Когда случится поголовная естественная смена человеческого рода, новые люди первым делом освободят от мусора планету – сметут всё то, что мы, ведя себя по-свински, бросили в недрах, на поверхности Земли, на дне морей и океанов, а также в атмосфере и за нею – на орбите. Частично мусор обработают на месте, частично сдвинут к Солнцу, где этот хлам бесследно поглотит светило. Планета возродится как здоровый организм с первозданным небом и синими артериями (или венами? ведь синие под кожей – вены?) вод. Не будет больше ни воздушного, ни морского транспорта, чтобы не пачкать впредь ни воздух, ни моря (за вычетом исследовательских изысканий и средств спасения). Не будет и космических ракет, сорящих чепухой в пространстве, – новые люди откажутся от идеи перелёта на дальние планеты, занявшись обустройством и защитой от вулканических и неземных угроз собственного сферического дома.

Новые люди, невзирая на различия наружности, будут иметь одну национальность (новолюды) и один язык общения (по типу эсперанто), который обеспечит понимание, ясность речей (не станет иностранных слов) и сплочённость интересов. Само собой, на Земле исчезнут границы, армии, оружие. Единственным боевым припасом останется шприц-заряд – средство для усыпления животных на случай, если им потребуется экстренная помощь.

Ни денег, ни торговых отношений, ни экономики вообще! Никто ни от кого не будет утаивать свои открытия и достижения! В новом мире новолюды трудятся бесплатно (в сегодняшнем значении такого слова) – по призванию, по вдохновению, по интересам. Отлучение от дела – самое тяжкое взыскание. Подобный приговор выносят, например, за наспех выполненную работу. Поскольку главной мерой нового труда, труда, приносящего новолюдям радость, будут не скорость и проворство, а основательность и надёжность.

Исчезнет медицина – культура питания, натуральные продукты, правильное дыхание и здоровый образ жизни (при полном отсутствии вредных привычек) позволят новым людям содержать свой организм в том бодром состоянии, когда ему не требуются ни пилюли, ни очки, ни носовой платок. Мысли новолюдов, подобно телу, также будут чисты и хорошо организованы, поскольку одолевать пространство они, конечно, предпочтут пешком. В отличном результате

названного принципа легко может убедиться и каждый современный человек – самые светлые (дельные) мысли приходят нам на ум тогда, когда мы в движении, а не летим или плывём, приятно грея – не сказать обидно – в уютном кресле зад.

Главным правилом новых людей, подобно обязательному руководству, станет авторитет старшего по возрасту. Больше не будет в жизни новолюдов ни ревности, ни измен, ни свадеб, ни самой любви (в нынешнем понимании) – всё подчинится требованиям разумности и справедливой целесообразности.

Само собой, изменится и быт. Бельё и всю необходимую одежду новые люди смогут получать на банно-прачечных участках. Кухни-автоматы разместятся в нижних помещениях многоэтажных зданий, откуда блюда в герметичной упаковке по специальным лифтовым каналам отправятся прямым ходом в столовую квартиры, стоит жильцу нажать на пульте кнопку «завтрак», «полдник» или же «обед». Или просто – «выпить чаю». Или – «перекусить». Индивидуальные меню составит специальная программа – с учётом показаний датчиков, смонтированных, например, в уборной. Они, вдобавок к постоянным данным (возраст, знак Зодиака, под каким родился новолюд, рост, группа крови, вес и проч.), будут фиксировать температуру тела, пульс, артериальное давление и другие необходимые для пищевой программы показатели биологической системы организма. Кроме того, учёту подлежат характер настроения жильца, сезон, зодиакальное созвездие, под которым находится планета в данный миг, погода, фаза Луны, активность Солнца – словом, все факторы, способные влиять на аппетит, здоровье и желудочно-кишечный тракт.

Спорт сохранится лишь красивый и, что называется, любительский – без злостных истязаний организма, работы на износ, без мордобоя, без пинков...

* * *

Вечером зашёл Азим с женой Ирой и повёл нас в заведение. Он был без машины, что свидетельствовало о серьёзности намерений, да мы бы в его «опель» и не влезли.

Майские вечера в Душанбе темны, не то что в СПб, – без фонаря не поиграешь в шашки. На бархатном небе висели звёзды – крупные и яркие, как в планетарии. Дневная духота ушла. Воздух был свеж – с гор натекла прохлада.

Поскольку мы шли компанией, окутанной, как виноградные косточки мякотью, русским языком, погруженности в чужой мир я не чувствовал. Так – смена декораций. Не то, наверное, если б виноград был выжат, если бы был один.

Сели в маршрутку – старые корейские микроавтобусы, дребезжащие разболтанными кузовами и подрёвывающие прогоревшими глушителями, шныряли по улицам в огромном количестве и с удивительным проворством, – поколесили немного и вскоре были на месте.

Кафе «Зарина». Два этажа: на первом – витрина-холодильник с образцами блюд в виде сырого мяса на шампурах и кухня, на втором – зал и открытая терраса.

Вася с одухотворённым лицом и Глеб со строгим подробно, как долгожданное наследство, изучили витрину.

Потом поднялись наверх.

Терраса была уютно освещена жёлтым электрическим светом.

Посетителей хватало, но нашёлся и для нас гостеприимный стол, за которым мы, не чувствуя стеснения, уместились всемером.

Заказывали Глеб и Азим. Вася и Фёдор корректировали. Сергей молчал – аскетичный и безучастный.

В итоге вышла гора – всего понемногу: шашлыки из баранины, шашлыки из говядины, козлятина на рёбрах, шашлыки, рубленные из смешанного фарша – баранина с телятиной, – шашлыки шариками – рубленое мясо набито в желудочную плёнку, – шашлыки-рулет «наполеон», изготовленные из уложенной слоями бараньей и говяжьей вырезки...

К мясу, разумеется, овощи и лепёшки.

И местная минеральная вода.

И водка. Без водки этакую грудку было бы не съесть.

Пока готовился шашлык, подали какую-то густую кисломолочную кашу в пиалах.

Глеб сказал: джургот.

Вася сказал: каймак.

Азим улыбнулся.

Фёдор кашу посолил, поперчил, сдобрил щепотью рубленой зелени, после чего отломил кусок лепёшки и, шуруя им в пиале, принялся рубить компот.

Я последовал его примеру. Вышло вкусно, солоновато-кисло, так что и водка пришлась кстати.

Не сразу заметил – Сергей клал себе в тарелку только овощи, мясо не трогал. Нездоров или с принципами? Впрочем, кисломолочной каше и водке – умеренно – он не отказал.

– Почему здесь столько объявлений о пропаже детей? – спросил я Иру, сорокалетнюю подтянутую женщину профессорского вида с открытым улыбчивым лицом.

– Потому что пропадают, – сказала Ира.

– Куда же они деваются?

– Знали б – вернули. – Помолчала. – Или похоронили.

– Говорят, вовчики детей воруют, чтобы людей настроить против власти. Мол, не может навести порядок, – сказал Азим. – Если ваша двести первая дивизия уйдёт, вовчики опять заварят кашу.

– Кто это – «вовчики»? – не понял я.

– Так здесь исламистов называют, – пояснила Ира.

– Почему же «вовчики»?

– Потому что ваххабиты, – сказал Азим.

– Всё равно непонятно, – сказал я.

– Отстань, – сказал Фёдор. – Что ты понимаешь в русско-таджикском юморе.

Глеб и Фёдор забрали у Азима счёт и заплатили сами, из нашей складчины. Азим возражал, обижался – как же так, ведь это он пригласил, и в конце концов всё-таки всучил им деньги.

Домой возвращались пешком – сытые и немного пьяные.

Деревья шевелили тёмными листьями, небо выгибалось исчерна-лиловым куполом, звёзды, которыми декорации были прибиты к космосу, мерцали ледяными шляпками.

В квартире разбрелись по комнатам, которых было три. Мы с Васей бросили свои курпачи в детской.

– Сколько у тебя вершин? – спросил я, когда мы улеглись.

– Дюжина наберётся. – Вася выпростал руки поверх простыни и попытался сосчитать на пальцах. – Типа того, – сбился. – В основном – четырёх- и пятитысячники. Но был и на Памире – пик Корженевской, пик Ленина...

– Больше не ходишь?

– Нет.

– Что так?

– Заскучал. Поднимаешься на вершину, а там ничего нет.

А я? Что ищу я? Что мне здесь надо? Сбор природных минералов для Руслана, ополчённого на мир? Как будто да, но... нет. Это предлог, уловка – разум обводит вокруг пальца сам себя. Пытается втереть очки – и не выходит.

Должно быть, я просто знать хочу, как слеплен, на чём держится и кем заверчен мир. Каков он там, где меня нет. Насколько узок, густ, безбрежен, прян. Докуда даль, покуда высь, и где же, чёрт возьми, та крошечная точка – я...

Впрочем, это мне уже снилось.

Снился Рома Ермаков, мой старый друг – остроумный мудрец, бесстрашный задира, странствующий проповедник, умница.

Все звали его Тарарам. Он жил весело, бедно и был счастлив, потому что счастьем нет дела – есть ли у тебя деньги.

Он умер. Смерть его – шарада. Внезапно съехавший с ума охранник зарубил Рома топором в квартире-музее Достоевского.

Во сне, как часто случается, это был он и не он. На вид – не Рома, нет, совсем не Рома, но спящему известно точно – Тарарам.

Мне снился солнечный русский, новый скиф, всадник-исполин, радостно одолевающий пространство.

Фалангу пальца сражённого врага он нанизывает на шнурок – одну к другой – и вешает ожерелье на шею.

Зелёное и голубое с золотом пространство – его стихия.

За спиной его – земляные русские, прибитые скобой к хлеву и пашне. За спиной его – искусные русские, опьянённые и скованные вдохновенным ремеслом. Впереди – дикое поле, леса, моря, хребты. И он, солнечный русский, отвечает за честь и право своих братьев перед опасным и коварным миром, который возликует, если однажды он будет сражён.

И ещё здесь были бабочки, много бабочек, – рассевшись по цветам, они медленно вздыхали крыльями.

Утром я подумал: это ещё ничего.

Действительно – однажды мне приснилась рокошущая тишина в левом ухе матери. Так живо она мне о ней рассказала.

В девять машина Мурода стояла под окнами.

Послал sms Ане: уезжаем из Душанбе, как будет дальше со связью – знает аллах.

Ответила: не пропадай.

Должно быть, я разбудил её своим пустяком: утро в СПб отстаёт от здешнего на три часа.

Спустились, погрузили поклажу.

Глеб занял место рядом с водителем: там просторнее – удобно спине.

Мы вчетвером разместились сзади на двух рядах кресел – лицом к лицу, колени в колени.

Весь остальной объем салона занял груз – пять рюкзаков, палатки, тент, затянутые плёнкой упаковки с пластиковыми бутылками и кофры с фотоаппаратурой.

Прежде чем выехать из города, залили полный бак, купили – Азим объяснил накануне где – баллоны с газом для плитки и завернули на базар.

Пока Фёдор, Глеб и Вася запасались свежими продуктами, а Сергей, отделившись, в одиночку странствовал по торжищу, я в какой-то норе с табличкой курсов валют над входом поменял часть оставшихся рублей на сомони.

Через четверть часа, насладившись черешней, промытой в пакете водой из бутылки, покатали вон из города.

«Ружья, микробы и сталь», – думал я. Даймонд уверяет – именно эти вещи позволили Старому свету обрести силу. Чингисхан со смеху скатился бы с лошадки.

Глеб завёл дорожный разговор с Муродом – про перевалы, камнепады, красоты мест, попутно листая в айфоне их, этих мест, карты.

Сергей, удивлённый тем, что продавцы на душанбинском базаре не торгуются, угостил всех добытой курагой, ароматной и мягкой, как губы гурии.

Вася задремал, припав головой к оконному стеклу.

Фёдор, время от времени кидая в рот янтарный блинчик кураги, рассказывал:

– Раньше к Ширкенту можно было и с запада выйти, со стороны Узбекии. Но теперь с погранцами надо договариваться – не факт, что получится. Да и перевалы по границе заминированы. Во время войны узбеки там с вертолетов мины разбросали. Густо. Теперь разминировать не могут – карт минных полей нет.

– Зачем же так? – удивился я.

– Торопились. Чтобы ваххабиты здешние, вовчики, к ним не полезли. Исламисты в начале девяностых в Таджикии силу взяли и о большом ваххабитском эмирате мечтали. Да и злые они на узбеков.

– За что?

– Узбеки, когда к ним беженцы повалили и порохом потянуло, поддержали Народный фронт, который здесь, в Таджикии, против исламистов за конституционный порядок стоял. Собственно, они, узбеки то есть, этот самый фронт отчасти и организовали.

Я опять собрался было уточнить, но Фёдор не позволил. Ничего не попишешь, привычки высшей школы – сначала лекция, потом вопросы.

– В Узбекинии, в Чирчике, со времён Союза пятнадцатая бригада спецназа ГРУ стояла, – сказал Фёдор. – Там серьёзная учебка была в Афганскую. В девяносто первом эту бригаду вроде как подарили Узбекинии. – На слово «подарили» Фёдор надавил всей силой своей иронии. – А там парни тёртые, все с афганским прошлым. Кто-то уехал в Россию, но многие остались. Каримов, президент Узбекинии, хитрая лиса, в этих парней как в родных вцепился – внеочередные звания присвоил, оклады хорошие положил. Ещё бы – это же спецы, диверсанты, элита армейская. Словом, когда в Таджикиии каша заварилась, резня пошла и ваххабиты стали страну нагибать, Каримов велел готовить спецгруппу для отправки к соседям. Подготовили. Все офицеры, все Афган прошли – им чёрт не брат. А командиром у них – Владимир Квачков. Ну, помнишь, который потом машину Чубайса продырявил. Судили его ещё за покушение... В общем, завезли в Таджикиию оружие, боеприпасы, стали обучать тех, кто против вовчиков стоял, практике партизанской войны, собрали разрозненные отряды под общее начало и всё это дело назвали Народный фронт Таджикистана. А во главе поставили местного уголовного авторитета Сангака Сафарова – такая должность: смотрящий по стране. – Фёдор открыл бутылку воды и припал к горлышку. – Двести первая дивизия, что стоит на нашей базе под Курган-Тюбе, само собой, тоже в этом деле участвовала. Сафаров – крендель пожилой, авторитетный, справедливый по-своему, как это у воров заведено, а в советниках у него – Александр Мусиенко, полковник российского спецназа. В общем, воевали с вовчиками замордованные фундаменталистами таджики, но организовали сопротивление русские офицеры спецназа ГРУ. За что бойцов Народного фронта прозвали юрчиками – в память об Андропове. Хотя КГБ и ГРУ, как известно, зверюшки разные. В итоге юрчики вовчиков в девяносто седьмом замирили. В Москве все стороны конфликта подписали соглашение о прекращении военных действий. Президентом избрали кулябца – тут у них кланы такие по родовым корням: кулябцы, гиссарцы, бадахшанцы, памирцы – Эмомали Рахмона, бывшего до того председателем Верховного Совета. А заместителем министра обороны Таджикиии стал генерал ГРУ в отставке Александр Чубаров. И того, что я тебе рассказал, в экспозиции новейшей истории Таджикиии, куда нас Назархудо тянул, поверь мне, нет. – Фёдор прожевал очередной блинчик кураги и милостиво поинтересовался: – Вопросы есть?

У меня был:

– С Россией понятно – у нас имперский инстинкт, нам можно, но зачем Каримов в Таджикистан полез?

– Во-первых, – пояснил Фёдор, – здесь живёт много узбеков. Им от вовчиков досталось, особенно в Курган-Тюбе – там целые кварталы выходцев из Самарканда. Во-вторых, Каримов раскатал губу на северные районы Таджикики. Оттяпать думал под сурдинку по самый Туркестанский хребет... Но – не вышло.

– А что сейчас? – спросил я. – Тихо?

– Пока тихо, – кивнул Фёдор. – Но Азим говорит, тревожно в воздухе. Войну ни те ни другие забыть не могут. Для Таджикики это много – триста тысяч убитых и сотни тысяч беженцев.

«А для кого мало?» – подумал я, но не спросил.

– На Памир бы ещё раз успеть, пока снова не началось, – подал голос молчаливый Сергей.

Солнечный русский – вспомнил я ночное видение. Корешок в земле, вершки в небесах. Журавлиным клином колоды раскалывает. Странствует с надеждой, возвращается с благодарностью...

У дороги то и дело вставали щиты с изображением чернобрового президента.

Проехали вдоль горного луга. В его жирной зелени то тут, то там пунцовыми головками горели маки.

– Отцветают, – вздохнул Глеб. – Недели две назад, небось, сплошной ковёр был.

– Бил, да, – подтвердил Мурод. – Совсем красный.

Судя по речи, Мурод был не из коренных душанбинцев. Столичный люд недавний государственный знал прилично.

Время от времени Мурод сплёвывал за окно тёмную густую слюну. Пару раз я наблюдал, как он достаёт пакетик с насваем, высыпает на ладонь порцию, скатывает в шарик и закладывает под губу.

Фёдор рассказывал про горящие копи – угольные пласты в урочище Кухи-Малик за Гиссарским хребтом. Подземный пожар выжигал их с незапамятных времён. Геродот ещё поминал или Плиний – Фёдор сомневался, кто именно.

Мне, как я понял, туда. На всякий случай уточнил, заедем ли. Фёдор обещал.

За разговором не заметили, как миновали Чормагзак. Одно название – перевал. Не мудрено и проскочить. Хотя под ним, как сообщил всезнающий Фёдор, сейчас роют тоннель. Чтобы забыть про осыпи и снежные заносы.

Берега Нурекского водохранилища, которое здесь называют морем, и его острова на срезе – гигантская спрессовка грязно-жёлтых и цвета парной телятины пород. Такая слоёная коврижка. Не то известняки, не то песчаники. В сочетании с зелёной водой и ярко-голубым небом в редком пухе белых облаков, которые не закрывали солнце, а висели только для красоты, – картинка.

Глеб попросил Мурода съехать на обочину.

Вышли. Мы с Сергеем – просто размяться. Фёдор и Глеб – пощёлкать затворами.

Толком поснимать не удалось – мучительно выбирали ракурсы, переходили с места на место. Остались недовольны – чем-то не угодило солнце.

Вернувшись в машину, застали Васю за поеданием самбусы – когда брали её на базаре, была горячей, только-только из танура – местного тандыра.

– Ну-ка, дай сюда, хомяк. – Фёдор отобрал у Васи пакет.

Действительно, щуплый Вася мог съесть много – это я отметил ещё вчера в кафе. Но и завтракали мы сегодня в несусветную рань – самое время перекусить.

Пакет пошёл по рукам.

Сергей на особицу зачерпнул из своих запасов горсть кураги.

Самбуса хоть и остыла, но всё равно показалась необычайно вкусной. Главный секрет – в пропорции мяса и лука.

Тоннель Шар-Шар просвистели пулей – навывлет. Пробили его китайцы сравнительно недавно, поведал Фёдор, и это видно – чисто, покрытие дороги выглажено, без сучка, подсветка во всю длину дыры, так что можно не включать фары.

После тоннеля смотрел в окно и ловил себя на странном впечатлении – все дороги одинаковы, разница в деталях. Многие из которых и вовсе не существенны. Особенно если не собираешься в них увязнуть. Пригвоздить себя скобой к земле.

Вот, скажем, я – дробинка, точка. Со свистом пробиваю тугую пустоту пространства. Моя задача – в него не влипнуть. Его задача – меня зацепить, выбросить паутинки и приклеить их к моим чувствам, заставить их его, пространство, ощущать. Так оно осознаёт, что существует.

Паутинки натягиваются и со звоном рвутся. Они хотели бы выдернуть мои глаза, оставить их здесь, чтобы ему, пространству, был свидетель.

Впрочем, это верно лишь тогда, когда я сам под искушением – осознаю соблазн влипнуть, а вот, поди ж ты, не даюсь. А так пространству до свистящей сквозь него дробины дела нет. Лети себе, пока не вдарись в камень и не треснет лоб.

Материал жизни избыточнее соображений насчёт него и хуже, казалось бы, организован – он сложнее и путаннее в своих взаимосвязях. В нём хитросплетения частей подчас с первого раза не прочитываются.

И со второго тоже.

Больше того, если вернуться к дорогам: они как вершины – на одних ничего нет, другие никуда не ведут.

Фёдор тем временем вспомнил Пржевальского. Сказал, что среди китайцев, встречавших его экспедицию, долго ходила легенда, будто он – колдун, умеющий заговаривать пули. Если Пржевальский выстрелит заговоренной пулей, та будет летать хоть год, хоть два – пока не найдёт того, кому предназначена.

Дорога бежала с гор на сухую серовато-бежевую равнину.

Мурод сплёвывал за окно тягучую жёлтую слюну.

То тут, то там по бокам дороги виднелись свежие фундаменты домов. На некоторых уже возводились из сырых чёрно-бурых саманных кирпичей стены.

– У меня племянник, да, – сказал Мурод. – Два года в Тюмен бетон месил. Вернулся осен, да. Тепер свой дом строил. Тут близко, за Курбон. Жениться думал. Хороший денги привёз.

Поговорили о русском рубле, выручающем таджиков.

А ведь если довериться Джареду Даймонду, увидеть полагалось бы обратное – здесь должен благодатный сад цвести и отсюда во все концы пространства должна тянуть свое господство сила. Ведь в этих землях прежде, чем в Македонии, России и Британии, приручили полезные злаки, вытравили горечь из миндаля, подставили дойник под корову и козу, склонили под ярмо осла и догадались стричь барана. Местная лепёшка – нон, – говорят, первый хлеб мира.

Но Искандер взял этот мир на меч. Топтал его Тимур. И наступал уже ему на горло сапогом британец.

И наступил бы, кабы не сверкнул трёхгранным жалом русский штык.

Из тетради Грошева

...ужас! Финал, казалось бы, настиг – разверзлась под ногами пропасть! Да – дикость, мрак, конец! Но – нет, последний всё же шанс остался: ведь именно у нас ещё хранится творческий запас (взять хоть в моём лице) для постановки и решения задачи невероятного масштаба (смена человечества)! Не в этом ли в конечном счёте и заключается призвание России?

Да, новый путь, по которому России назначено кометой устремиться в будущие времена, маня за собой другие страны, теперь всецело ясен! Его не нужно было рассчитывать, изобретать, перенимать – только открыть. И я это открытие сделал! Главное, чтобы страна не проскочила мимо полустанка, где ей необходимо сделать остановку для смены головного тепловоза и перехода на другую колею истории. Книга! Мою книгу должны прочитать повсеместно – в этом гарантия, что цель будет захвачена и спасение обретено. Ведь она (моя книга) не только не уступает по сокрушительности (оценка объективна – есть отзывы читателей) главным книгам в мире – Библии, Корану, Бхагават-Гите, «Капиталу» Маркса, а также книге Н. Г. Чернышевского, впервые поставившего вопрос «что делать?» во главу угла своего бессмертного романа, – но даже превосходит их по этим показателям! Все перечисленные сочинения не нашли ответ на роковой вопрос «что делать?» в мировом масштабе, а моя книга такой ответ даёт!

Коснулся отзывов читателей и понял, что следует дать выдержки из них. Вот первая:

«Передо мной открыта книга, от которой невозможно оторваться. Автор, как опытный хирург, вскрывает многочисленные язвы современной жизни в поисках действенного способа для исправления тяжёлой ситуации. Многие считают его рецепты жёсткими, даже жестокими, но обратить хаос и беспорядок в благоустройство и систему нельзя без рычагов суровой регуляции».

Вот выдержка вторая:

«Весьма реальной представляется тревога автора о том, сможет ли его благие планы в ближайшем будущем воспринять общественность, к которой он пламенно взывает в книге».

Вот третья:

«Несбыточными, но оригинальными видятся горизонты выхода из тупика, начертанные автором».

Достаточно.

Бодуля как-то сообщил (меня с ним свёл злосчастный брат, и мы довольно часто с ним (с Бодулей, разумеется, не с братом) беседуем на кухне, организованной в подсобке его букинистического заведения), что «Философия общего дела» русского мыслителя Федорова по своей революционной сущности не уступает «Капиталу». И ещё – книга «Бытие и время» германского философа Хайдеггера (я записал названия и имена) и «Капитал» не только соразмерны по духу, но имеют немало общего в своей судьбе: обе задумывались как важнейшие и обе оказались не дописаны, обе изменили ход мысли современников и обе стали поводом для всевозможных перетолков. Не знаю (не готов ни согласиться, ни силой доказательного спора опровергнуть) – не читал. А надо бы. Хотя и есть опережающие чтение сомнения: как могут быть они (указанные книги) равновелики тем, о которых я сказал, раз я о них услышал от Бодули, а не из популярного источника в эфире? И в переплёт их мне ни разу не сдавали. Какая ж тут величина? Согласен, у меня есть много белых пятен в гуманитарном смысле, и пятна эти надо истреблять. И тем не менее... И тем не менее Маркс и его малоизвестный соплеменник свои важнейшие труды не дописали, а у меня – пожалуйста, готова книга! И превосходит незавершённую работу первого, как я уже сказал. А труд второго... о нём судить смогу, когда прочту.

Но книга книгой, а тетрадь не для того. Она – для честности самоотчёта.

Когда шёл от Бодули, не заметил, как очутился в Поварском – самостоятельно свернули ноги. А тут и дом с лепниной – цвет папируса, как я уже писал (четвёртая тетрадь, страница 9, пятая (сверху) строка). И в фонаре – она. Читает что-то: толстый том романа, журнал, газета ли? – не видно снизу. Сиреневая кофточка, высокий лоб, бледный овал округлого лица, воздушные и мягкие льняные волосы... Залюбовался. То ли я сам, то ли другой – по счёту пятый – во мне. Она прекрасна! Да, прекрасна – картина в оправе оконной рамы! (Сейчас окно закрыто, март, и пыльное стекло туман наводит, но скоро, надо полагать, рассеется туман.) Однако и красива тоже! Испытывать те чувства, которые шевелятся в моей груди, тревожно и приятно...

Но... это очень странно. Ни прежде, ни сегодня, когда остановился в переулке и на неё смотрел, мне голову не осенило, а сейчас, когда пишу в тетрадь, задумался: она всё время у окна (когда я прохожу). Так не бывает, чтобы человек всё время оставался на одном и том же месте, как ни было б оно благоприятно для работы или невинного досуга. Так со старушками случалось, когда они всю старость напролёт сидели на насестах во дворах и там, шутливо выражаясь, квохтали. И то уже не встретишь их (старушек): куда-то запропали,

как умницы-красавицы из прошлых лет. Нет, долго так не усидишь на месте – надо и чайник на плиту поставить, и в булочную сходить, и наволочку из машины на просушку вывесить. Сидеть всё время у окна не очень-то нормально. Как это раньше не сообразил? И тут же – мысль: наверное, она больна. Наверное, у неё беда с ногами. Да. И сидит она не на сиденье стула, а в скорбном кресле на колёсах, поскольку – инвалид. В конце концов, я никогда не видел, чтоб у окна она стояла. Конечно! Об этом надо было первым делом догадаться: полиомиелит. Или травма позвоночника. Или гангрена с ампутацией. Да... дело скверное, врагу не пожелаешь... Но как иначе усидеть?

Бедная крошка, дитя неприглядной судьбы! Такая дивная, и такое внутреннее горе – какой трагический разлад! Мир за окном развёрнут перед ней на всё пространство переулка (из фонаря ей видно поперёк и вдоль), наполнен воздухом и светел (когда небо ясно), а она прикована цепями своей болезни к креслу и его колёсам! Поэтому она все время с книгой. Ведь в книгах – выдумки, там живут мечты, и можно вообразить себя счастливой героиней, порхающей по лугу парка с художественной скульптурой и фонтаном. Как ей помочь? Возможно ли? Должно быть, невозможно. Её бы, такую прелесть нежной красоты, наверное, давно бы излечили, если бы только доктора могли. А излечить её нельзя. Никак нельзя. Да что, вообще, умеют доктора? Брать взятки, разве что, и прописывать куриной лапой лекарства за, выражаясь прямо, мзду от фармацевта-жулика – хозяина этой циничной в обнажённом виде медицинской отрасли. (Про то, что могут мучить, как (страшно вспомнить) Григорий, и не говорю.) Был случай. С утра отстоял в регистратуре очередь за талоном. Попал, наконец, на приём к врачу, чтоб разобраться с зубом, который состарился вместе со мной, а этот оборотень в халате (белом) просит денег за материалы и лекарства – поверх ему положенной зарплаты!..

О чём я? Да – что можно сделать? Пожалуй, ей будет не настолько одиноко и злополучная печаль покажется не так горька, если и мир за окном откроет ей своё несовершенство. Несовершенство и... червоточивость. Её, червоточивости, и так кругом полно, но надо бы представить прямо здесь, на улице, под фонарём, чтоб стало очевидно. Хотя бы и в моём лице... Нет, не хотя бы – именно в моём! Придумать надо так, чтоб мне явиться перед этим несравненным взором плачевным и отверженным изгоем, лучше – калекой в гипсе. На худой конец... не знаю уж и кем. Второй, фигурно говоря, рукавицей к паре. Да, это всё, что я могу от сердца сделать. Обязан даже сделать, чтобы развеять мрачную печаль над этим неземным творением, которое не в состоянии найти ни с кем сродства, поскольку у теперешнего человека душа и разум очутились в полном подчинении у низменного органа – желудка.

Подумать надо хорошо на эту тему – как именно утешить и помочь. Подумаю, и что-то непременно созреет в голове, где не напрасно ум человека свил своё гнездо. Хотя, если взглянуть в масштабе бедствий, виновником которых он (человек) стал, – напрасно. За это весь род людской теперь обязан дать ответ. И дать неумолимо! И знать об этом – ведь справедливо говорится, что в борьбе с преступностью и язвами порока первую скрипку следует играть не суровости расплаты, а неизбежности её. Иной раз такие кары подлецам и ворам рисует в красках приходящий в мои мысли тот – четвёртый, которого, как и третьего, стыжусь, что... Сгинь! Изыди!

.....

Домашняя библиотека, которую смотрели мы с Бодулей, разумной ценности не представляет – случайный сбор, увенчанный томами собраний сочинений классиков. Так, было кое-что в отдельности, но из-за этих перламутровых жемчужин разом скупать весь, выражаясь мягко, гумус резона нет. Поэтому Бодуля выбрал только то, на что имел уже, должно быть, покупателя в сообществе букинистического круга. Я тоже выторговал у наследников одно издание. Для них – пустяк, а для меня – воспоминание о становлении на путь ремесленного мастерства, тонкой и взвешенной ручной работы.

Тогда, в конце прошедшего столетия (точнее – в сентябре 1987-го), когда попал в учёбу к мастеру (теперь покойнику уже), тот первым делом в качестве пособия вручил мне снятую на копировальной технике полуслепую распечатку этой книги. И вот – опять она. Но теперь в приличном состоянии! Должно быть, оказалась здесь случайно и редко кто её листал. Хотя внутри, под крышкой (точнее, между нижней крышкой и форзацем), вложены листки бумаги, исписанные мелко лиловыми чернилами (исследую потом). А переплёт, признаться, более чем скромный (для подобной книги) – свиные корешок и уголки и коленкор на толстых крышках с тиснением в три цвета. Но я-то знаю цену этой книге! Знаю, какие тайны и какую притягательную силу для только подступающего к делу новичка (каким я был тогда, в 1987-м) она хранит! Ведь ей благодаря во мне завёлся тот, второй – трудяга-мастер, который в личности моей пророс. На титул только взглянешь – сразу ясно: и в книге есть такое же убранство, как в зодчестве Лидваля, Хренова и Росси, – и ленточки парящие, и вензеля, а как подобран на два цвета шрифт... Со вкусом – без роскошеств и излишеств. Рациональное изящество, осмысленная красота. «Переплетное мастерство и искусство украшения переплета. Художественные стили. Чистка, исправление и хранение книгъ». Сочинение д-ра Л. Н. Симонова, при содействии

переплётной мастерской Э. Ро. 183 рисунка в тексте и 12 окрашенных таблиц. Издание 1897 года. С тех пор не переиздавалась.

Бодуля рассказал, что этот д-р Симонов – человек занятный. Он написал немало книг, которые, сложи их в стопку, составят удивительную и совершенно современному читателю неведомую энциклопедию знаний, навыков, ремёсел и достижений мастерства. Две самые его блистательные книги – о породах лошадей (вышла на русском, французском и немецком языках, оценена французской «Фигаро» от 27 мая 1894-го как самое полное и самое хорошо иллюстрированное из всех известных до сих пор произведений такого рода (Бодуля цитировал по памяти)) и вот эта, о переплётном ремесле. Вещица, вернувшая мне (из юности) забытый запах жизни.

Остаток дня не выпускал приобретение из рук – листал, разглядывал рисунки. Даже когда пил вечерний чай на кухне. Чай был горячий – затуманились очки. Взыскательно поговорил с очками.

* * *

– Вон там, – Фёдор махнул рукой направо, – за хребтом – Афганистан.

Над окутанной дымкой грядой высоко стояло слепящее солнце. Афганистан был близко.

Вася, вновь было задремавший, стукнулся головой о стекло и встрепенулся – колесо угодило в рытвину.

– Что у нас с обедом? – спросил. – Не пора?

– Знаю место, – сказал Мурод. – Немного близко. Перед Куляб, да. Шурпа, шашлик – всё ест, всё свежий, всё вкусный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912112&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/pavel-krusanov/zheleznyy-par-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)